
Линия
защиты

Varpunen

ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ

«Автор»
2026

Varpunen

ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ / Varpunen — «Автор», 2026

После дождливой ночи на окраине небольшого Вереска находят погибшего мужчину. Водитель скрылся, не вызвав помощь. Под подозрение попадает автомеханик Илья Крылов: незадолго до трагедии он поссорился с погибшим, на его машине есть повреждения, а объяснения о той ночи вызывают всё больше вопросов.Защищать Илью берётся Андрей Левин — уважаемый адвокат, способный увидеть ошибку там, где остальные видят очевидную вину. Но чем внимательнее следователь разбирает показания, записи камер и чужие недомолвки, тем сложнее становится отделить настоящую защиту от страха перед правдой. В маленьком городе одна тайна незаметно меняет судьбы сразу нескольких семей.«Линия защиты» — психологический детектив о доверии, ответственности и решениях, которые нельзя отменить. Сколько стоит молчание, когда от него зависит чужая жизнь?

© Varpunen, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Последняя поездка 5
Глава вторая. Подозреваемый 13
Глава третья. Хороший адвокат 20
Конец ознакомительного фрагмента. 24

ЛИНИЯ ЗАЩИТЫ

Глава первая. Последняя поездка

Дождь начался ещё до заката, когда над Вереском опустились низкие, тяжёлые облака. Сначала он шуршал по крышам, потом набрал силу и к десяти вечера смыл с улиц последних прохожих. На главной площади одна за другой погасли витрины. Автобусы ушли в парк. Только круглосуточная аптека светилась белым прямоугольником в сырой темноте.

На Заводской улице фонари горели через один. Здесь город кончался нерешительно: двухэтажные дома сменялись кирпичными складами, за покосившимся забором темнел двор старого хлебокомбината, а дальше начинался пустырь. Дорогу не ремонтировали несколько лет. Выбоины наполнились водой, и в каждой отражался один и тот же тусклый свет.

В двадцать три сорок семь по Заводской шёл автомобиль.

В плотном дожде нельзя было определить ни цвет, ни марку. Свет фар дрожал на разбитом асфальте. Машина замедлялась перед лужами и снова прибавляла скорость, словно ехавшему за рулём не терпелось покинуть эту часть города.

В салоне зазвонил телефон.

Звонок оборвался и почти сразу повторился. На мгновение приборная панель осветилась холодным прямоугольником экрана. Водитель отвёл взгляд от дороги. Рука потянулась к телефону — резко, почти зло, будто имя звонившего было сейчас невыносимее любого другого звука.

Впереди, у обочины, мелькнуло что-то светлое.

Потом в лучах фар возник человек.

Он шёл со стороны складов и собирался перейти на другую сторону, к тропинке между домами. Согнувшись от дождя, одной рукой придерживал воротник куртки, другой — тканевый пакет. Увидев автомобиль, остановился, не сделав последнего шага назад. Тормоза взвизгнули почти одновременно с ударом.

Тело исчезло из света фар.

Машину повело вправо. Шины проскользили по асфальту, соскочили в выбоину; что-то сухо треснуло под передним бампером. Автомобиль остановился, не доехав до перекрёстка.

Несколько секунд слышно было только двигатель и мерное постукивание дворников. Потом они тоже замерли посреди стекла.

Дверь открылась не сразу.

Водитель вышел под дождь и замер возле открытой двери. Дальний фонарь освещал лишь часть улицы; дальше начиналась темнота. Не было ни встречных фар, ни человеческих голосов. Складские ворота стояли запертыми. За оградой хлебокомбината лаяла собака. Дверь осталась открыта, и из салона доносился короткий сигнал: машина напоминала о себе.

Человек лежал у края проезжей части, на боку. Одну ногу неестественно подогнуло под другую. Из-под куртки выбилась полоска светлой рубашки. Рядом валялся тканевый пакет; яблоко медленно катилось по асфальту, пока не остановилось в выбоине.

Водитель подошёл ближе.

Пострадавший дышал. Слабое движение плеча можно было принять за дрожь от холода, если бы не прерывистый звук, вырывавшийся из горла. Он попытался поднять голову и не смог. Губы шевельнулись.

— Помогите, — выдохнул он. — Пожалуйста.

Водитель присел, достал телефон. Экран на секунду осветил мокрый рукав чужой куртки. Появилась первая цифра экстренного номера. Затем вторая. До последнего нажатия оставалось одно движение пальца.

Рука пострадавшего нащупала асфальт и потянулась к человеку рядом. Водитель отстранился. Пальцем стёр две набранные цифры, погасил экран. Вызов так и не состоялся.

Водитель поднялся, оглянулся на пустую улицу. Издалека донёсся грохот грузового состава: за пустырём проходила железная дорога. Пока поезд шёл мимо, его шум заглушал и дождь, и слабые звуки человека на асфальте.

Когда поезд стих, рядом с пострадавшим уже никого не было.

Автомобиль тронулся не сразу. Потом покатился вперёд, не включая дальний свет. На повороте красные огни отразились в луже и исчезли за складским корпусом.

Человек остался лежать на дороге. Яблоко в выбоине покачивалось на воде.

• • •

Фёдор Минин обнаружил тело в шесть часов сорок две минуты утра. Это время он потом повторит так часто, что перестанет помнить, откуда знает его с такой точностью. Он посмотрел на часы, прежде чем позвать напарника.

Минин водил мусоровоз восемнадцать лет. Он знал Вереск по задним дворам, подворотням и разбитым подъездным дорогам лучше, чем любой таксист. На Заводскую по пятницам заезжал первым: у хлебокомбината раньше всех открывали ворота, и рабочие ругались, если контейнеры оставались невывезенными.

После ночного дождя город выглядел непривычно чистым. Только там, где бордюры уходили в грязь, вода вынесла на асфальт песок и мелкий мусор. Минин уже собирался свернуть к воротам, когда заметил у обочины тёмную куртку.

Сначала он решил, что кто-то выбросил старую одежду. Потом увидел ботинок.

— Господи, — сказал он и нажал на тормоз.

Напарник, молодой грузчик Серёжа, задремавший на пассажирском сиденье, проснулся от рывка.

— Чего там?

— Сиди.

Минин выбрался из кабины, прошёл несколько шагов и остановился. Мужчина лежал неподвижно. Лицо было повернуто к канаве, волосы слиплись от воды. Чуть дальше, между лужами, блестел маленький обломок прозрачного пластика. Минин не стал его трогать.

Всю жизнь Минин считал себя человеком практичным: сломалась труба — ищи вентиль; не заводится машина — проверь аккумулятор. Теперь он стоял и не мог решить, к чему прикоснуться и можно ли вообще что-нибудь делать.

— Серёжа! Вызови скорую. И полицию. Быстро.

Парень уже вышел из кабины. Он посмотрел на дорогу и отступил к грузовику, будто кто-то толкнул его в грудь.

— Он?..

— Звони, я сказал.

Пока Серёжа говорил с диспетчером, Минин присел в нескольких шагах от незнакомца и тихо повторял: «Сейчас приедут. Сейчас». Он не знал, кого успокаивает. Ни звука в ответ не было.

Скорая приехала через одиннадцать минут. Фельдшер осторожно проверил состояние мужчины и, выпрямившись, попросил Минина отойти. Его спокойный голос, которым он произнёс очевидное, оказался страшнее крика.

— Помочь уже нельзя.

Через несколько минут прибыла дорожная полиция. Поставили конусы, натянули ленту. Первый автобус остановился у перекрёстка. Водитель поспорил с инспектором, потом высадил двух пассажиров и развернулся прямо на дороге.

В половине восьмого Заводская уже была перекрыта.

• • •

Следователь Марина Серова приехала, когда окончательно рассвело. Ей было тридцать, но на служебной фотографии она казалась старше: слишком серьёзный взгляд, слишком прямая линия губ. Марина не любила делать вид, что знает больше, чем есть на самом деле, и коллеги иногда принимали это за нерешительность.

Она обошла место происшествия, стараясь не наступать на отмеченные следы, выслушала инспектора и присела возле обочины. Дождь уничтожил большую часть того, что могло рассказать о столкновении. В грязи остались размытые полосы шин, на асфальте — свежие царапины. Эксперт показал ей пакет с прозрачным обломком. На пластике виднелись три узких поперечных ребра и полоска мутного, почти белого края.

— От фары? — спросила Марина.

— Возможно, от рассеивателя. Может, от другой автомобильной детали, — ответил эксперт. — Сначала исследуем. По одному кусочку марку не назовёшь.

— А тормозной путь?

— Размыт. До оцепления по улице ездили машины. И поезд ночью шёл: местные говорят, ничего из-за него не слышали.

Марина посмотрела вдоль улицы. Между складами висела камера автомойки. Возможно, она захватывала и проезжую часть.

— Узнайте, пишет ли эта штука. И все камеры на соседних перекрёстках. Даже если качество плохое.

— Думаете, номер получится увидеть?

— Не знаю. Поэтому и прошу проверить всё, что могло попасть в кадр.

У погибшего при себе оказался паспорт. Павел Николаевич Соколов, тридцать девять лет. Жил на улице Школьной. В кармане лежали ключи, проездной и чек из продуктового магазина. Телефона не нашли; возможно, он отлетел в мокрую траву.

— Родным сообщили? — спросила Марина.

— По адресу направили экипаж. Зарегистрирован один, но есть сестра. Ищут номер.

Марина посмотрела на тропинку, выходившую к дороге из-за двухэтажного дома. Перехода здесь не было; до ближайшей «зебры» почти триста метров. Водитель мог заметить пешехода слишком поздно. Это объясняло столкновение. Но не объясняло, почему он не позвал на помощь.

— Фёдор Егорович, — позвала она Минина, сидевшего в кабине мусоровоза. — Придётся ещё раз всё рассказать. Только не торопитесь.

Минин устало кивнул.

— Я ж ничего не видел, товарищ следователь. Я только нашёл его.

— Это тоже важно.

Он долго говорил о маршруте, времени и о том, как сначала принял тело за груду одежды. В конце, когда Марина уже закрывала блокнот, спросил:

— А если бы кто-нибудь ночью остановился? Ну, увидел бы раньше? Он мог бы жить?

Марина не ответила сразу.

— Пока мы этого не знаем.

Минин посмотрел на мокрую дорогу.

— Тут ведь город маленький. По этой улице все свои ездят.

• • •

Нине Соколовой позвонили в восемь семнадцать. Она стояла на кухне в одной тапочке и пыталась понять, почему чайник перестал греть воду. По привычке подумала, что попросит Павла заглянуть после работы: брат разбирался в проводах, замках и других мелочах, которыми ей некогда было заниматься.

На незнакомый номер она ответила раздражённо.

— Да, слушаю.

Мужской голос назвал её по имени и отчеству, представился сотрудником полиции и спросил, приходится ли ей Павел Соколов братом.

Нина поставила чашку на стол. Она запомнила именно этот звук — негромкий удар фарфора о дерево. Дальше всё происходило словно в чужом, плохо записанном разговоре.

— Что с ним?

— Нам необходимо с вами встретиться.

— Что с ним? — повторила она.

Ответа, который можно было бы услышать и при этом остаться прежним человеком, не существовало. Полицейский говорил осторожно, употребляя слова «происшествие» и «обнаружен», пока наконец не произнёс: «Ваш брат погиб».

Нина села. Не потому, что подкосились ноги, а просто стул стоял рядом.

Вчера вечером Павел звонил ей в половине десятого. Сказал, что задерживается на работе, и спросил, не забыть ли занести в субботу инструменты. Она проверяла ученические тетради и ответила рассеянно: «Не забудь. И купи нормальную изоленту, не свою дешёвую». Он рассмеялся. Пообещал заехать.

Она не сказала ему «береги себя». Они вообще редко произносили такие слова: в их семье заботу выражали просьбой не забыть ключи, надеть шарф или купить хлеб.

Когда полицейский уточнил, сможет ли кто-нибудь её сопроводить, Нина вдруг спросила:

— А он был один?

— Простите?

— Когда это случилось. Он один был?

— По предварительным данным, да.

— Значит, никто не помог?

На другом конце линии помолчали.

— Мы сейчас выясняем обстоятельства.

Нина положила телефон экраном вниз. Через несколько минут он снова зазвонил — это была коллега из школы, которая хотела поменяться дежурством. Нина смотрела на вибрирующий аппарат и не могла вспомнить, что обычно делают люди, когда им сообщают о смерти брата. Потом всё-таки ответила и попросила прийти вместо неё.

До полицейского отдела она добралась с соседкой Любовью Петровной, которая без лишних вопросов села за руль. По дороге та сказала только:

— Ты дыши, Ниночка. Просто дыши.

На перекрёстке у рынка продавцы раскладывали мокрые ящики, мужчина в синей куртке спорил с водителем фургона, школьники перебегали дорогу перед автобусом. Нина отвернулась к окну. Мир продолжал исполнять свои обычные утренние обязанности, и от этого ей было почти физически больно.

В отделе её встретила Марина Серова. Они говорили в тесном кабинете с двумя стульями и папками на подоконнике. Марина не спрашивала сразу о врагах или долгах; сперва уточнила, как Павел возвращался домой с поздней смены.

— Пешком, — сказала Нина. — Он же рядом работал. На складе холодильного оборудования, за комбинатом. Говорил, через Заводскую быстрее.

— Он часто там ходил?

— Почти всегда. Когда автобус уже не ходил.

— Вы разговаривали с ним вчера?

Нина кивнула. Её собственный голос казался слишком ровным.

— Он должен был приехать ко мне в субботу. Чинить розетку.

Марина подняла взгляд от блокнота. Следователь не знала, что ответить, а Нина — зачем вообще сказала о розетке. На столе между ними лежал чистый лист для записи объяснений. Марина так и не подвинула его ближе.

— Мне очень жаль, — произнесла Марина.

И почему-то именно после этих простых слов Нина впервые заплакала.

• • •

К десяти утра о гибели Павла знал почти весь Вереск.

Официального сообщения ещё не было. Водитель автобуса рассказал диспетчеру о перекрытой дороге. Диспетчер позвонила сестре в булочную; та — соседке; соседка отправила в домовой чат фотографию полицейской ленты и подпись: «На Заводской ночью сбили человека». Спустя час фотографию пересылали уже без подписи, зато с подробностями, которых никто не проверял.

К полудню нашёлся человек, который будто бы слышал два удара, и другой, уверявший, что видел чёрную машину без фары. Оба в ту ночь спали дома.

В парикмахерской говорили о пьяном приезжем. На рынке — об угнанной машине. Кто-то считал, что водитель намеренно сбил Павла. Как только появлялась новая версия, предыдущую почти сразу забывали.

Павла знали не все, но многие узнавали по описанию: высокий, сутуловатый, работал с холодильным оборудованием, помогал знакомым устанавливать кондиционеры. О нём вспоминали хорошее: как бесплатно починил соседке звонок, как кому-то одолжил деньги. Люди, никогда его не встречавшие, уверенно повторяли эти истории.

У магазина «Уголок», где водители маршруток покупали кофе, разговор зашёл о том, что никто не остановился.

— Не верю я, что сбил и уехал, — сказала продавщица Галина. — Человек ведь не столб.

— Может, не понял, что сбил, — возразил покупатель.

— Его, говорят, через капот перекинуло.

— Кто говорит?

— Люди.

Покупатель расплатился и вышел. Спорить с Галиной было так же бесполезно, как пытаться остановить дождь словами.

На двери магазина приклеили листок: «Если вы видели происшествие на Заводской ночью, сообщите в полицию». К обеду возле него останавливались прохожие. Никто не сказал, что своими глазами видел момент аварии.

• • •

Около полудня Марина вернулась в отдел. На столе лежали схема Заводской и список автомобилей, замеченных ближайшими камерами в предполагаемое время происшествия.

— Плохие новости, — сказал инспектор Костя. — На Заводской мойка ночью почти ничего не записывает: света мало. Зато на перекрёстке перед складом сохранилась муниципальная камера.

Он развернул ноутбук. На экране дождевые полосы перечёркивали серую дорогу. В правом углу появились два огонька, увеличились и исчезли.

— Это что?

— Машина. Легковая, возможно, седан. Ни номера, ни цвета. Время на записи — двадцать три сорок три.

— А обратно?

— Примерно через одиннадцать минут на другой камере в сторону центра прошла легковая. Только часть кузова в кадре, остальное закрывает дерево. Нельзя сказать, что это та же машина.

Марина попросила показать оба фрагмента подряд. На первом дождь дробил свет фар на длинные полосы. На втором мелькнула тень кузова, и всё. Соблазн соединить эти две тени в один автомобиль был велик.

— Сколько автомобилей прошло там за час?

— Пять по первой записи. Два грузовика, три легковые. Остальные камеры ещё проверяем.

— Вот и проверяйте. Только не пишите пока, что это машина виновника.

Инспектор вздохнул:

— Да я и не собирался.

Марина знала: стоит произнести «тёмный седан», и завтра весь город будет искать тёмный седан. Остальные автомобили исчезнут даже из памяти свидетелей. Она подвинула к Косте пакет с обломком.

— А по пластику есть что-нибудь?

— Пока только предварительно: материал автомобильный, но откуда именно — неясно. И телефон погибшего в траве нашли. Разбит, мокрый. Отправили на исследование.

— Хорошо. Не подгоняйте обломок под первую машину на видео. И проверьте всех, кто мог быть поблизости: пешеходов, сторожей, водителей ночной смены.

Костя закрыл ноутбук. В дверях он остановился.

— Марина Викторовна, а вы думаете, водитель понимал, что человека сбил?

Она вспомнила лежавшего у обочины мужчину, разорванный пакет с продуктами и маленький прозрачный обломок — единственную вещь, которая словно не хотела растворяться в предположениях.

— Сначала установим, что произошло, — ответила она. — Потом будем судить, что он понимал.

Когда дверь закрылась, Марина провела вертикальную черту посередине чистого листа. Слева написала: «Что установлено». Справа: «Что предполагается».

Правая половина заполнялась гораздо быстрее.

• • •

Павел Соколов жил на третьем этаже старого дома, где даже днём пахло сырой штукатуркой и жареным луком. После четырёх Нина поднялась по знакомой лестнице с его ключами в ладони. На площадке стоял сосед Виктор Степанович, бывший железнодорожник. Увидев её, он снял кепку.

— Нина, прости, что не позвонил. Я только сейчас узнал.

Она кивнула, не находя слов.

— Он ведь вчера уехал на работу как обычно. Я его ещё спросил, не замёрзнет ли без шапки. Он сказал: «Я не сахарный».

Виктор Степанович горестно усмехнулся, потом снова посерьёзнел.

— Это же надо. У нас под боком. И никто ничего.

Нина вошла в квартиру. Всё осталось так, будто брат ненадолго вышел за хлебом: на спинке стула висела рубашка, у раковины стояла кружка с обломанной ручкой, на холодильнике магнитом была прижата квитанция за свет. На полке у двери лежали отвёртки, которые он собирался взять в субботу. Нина достала телефон, чтобы позвонить ему, и только потом вспомнила, что больше нельзя.

В переписке с братом оставалось непрослушанное голосовое сообщение, присланное вчера в десять сорок одну. Она включила запись. Сквозь гул какого-то механизма послышался

Павлов голос: «Нин, я вспомнил: розетку пока не выбрасывай. Приеду в субботу, посмотрю, что там у тебя. И чайник не мучай, купим новый». В конце он тихо рассмеялся.

Запись длилась четырнадцать секунд. Нина нажала на воспроизведение ещё раз. Вчера эти слова были бы обычной бытовой мелочью. Сегодня в них осталось всё, чего у них больше не будет.

Когда зазвонил телефон, Нина вздрогнула. Звонила Тамара из соседнего подъезда — женщина, с которой Павел иногда здоровался у почтовых ящиков.

— Ниночка, ты только не волнуйся. Тут говорят, будто Павел вчера сильно поругался с кем-то возле мастерских, за переездом. Ты ничего не знаешь?

Нина закрыла глаза.

— С кем?

— Точно не знаю. С каким-то мастером. Говорят, чуть не подрались. Мне самой передали.

— Кто передал?

— Да какая разница, кто первый сказал? У нас весь двор говорит.

Нина посмотрела на отвёртки на полке.

— Да, — сказала она. — Сейчас это важно.

После разговора Нина долго стояла в прихожей. Она знала, как легко в Вереске из одной невнятной фразы вырастает целая история. Но Павел в последние дни действительно был раздражён. Когда она спросила, что случилось, он только ответил: «С одним человеком разберусь — расскажу».

Нина посмотрела на телефон. Сообщение брата по-прежнему отмечалось как прослушанное. Ответить было уже некому.

• • •

В пять часов вечера в дежурной части раздался звонок.

— Я насчёт мужчины, которого на Заводской сбили, — сказала женщина. — Вы знаете, с кем он накануне ругался?

Дежурный попросил представиться. Собеседница назвалась Верой, фамилию назвать отказалась: город маленький, неприятностей не хочется. Говорила она сначала торопливо, словно боялась передумать. Вчера около семи вечера она выглянула из окна квартиры напротив гаражей и увидела ссору двух мужчин. Одного — Павла Соколова — знала в лицо.

— Вы лично присутствовали? — уточнил дежурный.

— Видела, как тот, второй, шагнул к Соколову и стукнул ладонью по капоту. А потом крикнул: «Ты за это ещё ответишь!» Я открыла окно, всё слышала. Они разошлись, но мне стало не по себе.

— Как зовут второго мужчину?

Женщина помолчала. В трубке гудел телевизор; диктор перечислял новости, не имевшие никакого отношения к Вереску.

— Илья Крылов, — наконец сказала она. — У него автомастерская у переезда. Вы его найдёте.

Дежурный записал имя и попросил номер для связи. Женщина продиктовала его не сразу, а затем, поколебавшись, добавила:

— После ссоры Крылов сел в свою машину. Тёмную, вроде седан. Какой марки — не знаю. Поехал в сторону центра. Это я тоже видела.

— Во сколько он уехал?

— Около семи. Вы поймите, я не говорю, что он ночью был на Заводской. Но человек на человека так просто не кричит.

Связь оборвалась.

Дежурный положил трубку и перечитал запись. Теперь было не только имя: женщина лично видела ссору и слышала угрозу. Но всё это происходило за несколько часов до аварии. Никакой связи с самой ночью она не установила. Он занёс сообщение в журнал и переслал Марине Серовой.

К половине шестого Марина прочла запись. Дождь снова застучал по подоконнику — тихий, почти ласковый, совсем не похожий на ночной ливень.

На листе соседствовали три подробности: «Илья Крылов», «Ты за это ещё ответишь» и «тёмный седан». Первая называла человека. Вторая звучала как угроза. Третья слишком легко подходила к размытым кадрам с камеры.

Марина подчеркнула имя и приписала сбоку: «Проверить. Не делать выводов».

Город хотел знать, кто виноват. К вечеру у него уже нашёлся человек, которого можно было назвать.

На Заводской дождь смыл следы столкновения. Дорога больше не могла ничего возразить.

Глава вторая. Подозреваемый

В пятницу, когда в окнах Вереска стали зажигаться огни, следователь Марина Серова в третий раз прослушала запись звонка в дежурную часть. Женщина говорила быстро, словно боялась, что ей не дадут закончить. В четверг возле мастерской у переезда Павел Соколов ссорился с Ильёй Крыловым. Кто-то ударил ладонью по капоту. Прозвучало: «Ты за это ещё ответишь».

Эта фраза уже жила своей жизнью. За три часа её успели пересказать в городском чате, где «ответишь» превратилось сначала в «пожалеешь», а потом в «я тебя убью». Марина выписала на лист только то, что свидетельница утверждала о собственных наблюдениях.

— Поедем к нему? — спросил Константин Рябов, инспектор, которого в отделе называли Костей.

— Завтра. Сегодня поговорим с женщиной. Не хочу, чтобы мы приехали с чужим пересказом вместо вопросов.

На листе у неё стояли две отметки: 19:00 — ссора, около 23:43 — легковая машина на муниципальной камере. Между ними не было установленной связи. Время самого наезда эксперты пока определяли приблизительно: ночь, после окончания поздней смены Павла и до того, как его обнаружили утром. Читавший материалы человек мог найти в них множество часов, но ни одного, который безоговорочно отвечал бы на вопрос, когда именно произошёл удар.

В кабинет заглянул начальник отдела Виктор Борисович Грачёв. Очки он держал в руке, как всегда, когда был недоволен.

— Районные журналисты уже звонят. Спрашивают, задержали ли кого-нибудь.

— Пока проверяем сообщение о конфликте.

— Сообщение — это хорошо. А человека вы видели?

— Увидим утром.

Грачёв помолчал. Он не был человеком, который требовал во что бы то ни стало найти виновного за сутки. Но отлично знал, как трудно будет объяснять городу, почему ответов нет.

— Не перепутайте скорость с поспешностью, — сказал он, надевая очки. — И не дайте другим перепутать.

Вечером пришла свидетельница. Вера Фролова оказалась маленькой женщиной с красными от холода руками. Её окна действительно выходили на двор мастерской.

— Я сначала думала, они из-за машины кричат, — рассказала она. — Павел держал лист, а Крылов указывал на белый фургон. Потом Илья стукнул по капоту. Я окно открыла. «Ты за это ещё ответишь», — услышала. И Соколов ушёл.

— Вы видели, куда он пошёл?

— К переезду. Он там часто проходил. А Крылов через какое-то время сел в свою машину, тёмную, и уехал в сторону центра. Это было ещё засветло.

— А вы видели их ночью?

— Нет. Я же не это говорю.

Марина спросила, что именно предшествовало угрозе. Вера развела руками: окно она открыла под конец ссоры. Остальное слышала через стекло. Затем попросила, чтобы в городе никому не называли её фамилию.

— Здесь ведь потом не отвертишься, — сказала она. — Вчера сосед, сегодня враг.

Когда женщина ушла, Марина позвонила на склад, где работал Соколов. Дежурный сообщил только, что Павел в четверг задержался после обычной смены: разбирались с фургоном, который опять не удерживал температуру. Кто принимал решение о ремонте и какие бумаги подписывали, он не знал. Попросил перезвонить в понедельник, когда будет бухгалтер.

Когда Марина положила трубку, Костя посмотрел на записанную фразу.

— Неплохое начало.

— Начало проверки, — поправила Марина. — Не конец.

• • •

Утром в субботу в мастерской Крылова щёлкали компрессоры и гремели ключи. Владелец белой «Газели», приехавший первым, попросил «просто посмотреть», почему под капотом стучит. Илья ответил, что бесплатно здесь можно посмотреть только на дождь. Егор, его двадцатилетний помощник, засмеялся, а потом поспешил к верстаку.

За последние три года Илья успел научить Егора почти всему, что сам знал о машинах. Парень по-прежнему путал счета и забывал закрывать банки с краской, но, если клиент уходил, оставив под сиденьем кошелёк, бежал за ним до перекрёстка. За это Илья многое ему прощал.

У порога конторы мялся пожилой клиент, Николаич, у которого не заводился старый универсал. Денег за работу у него не было до пенсии. Илья узнал причину, когда ещё не успел выслушать жалобы до конца, молча взял провод и попросил Егора поставить новую клемму.

— А сколько я должен? — спросил Николаич, когда мотор ожил.

— В следующий раз заплатите. Только аккумулятор на ночь не оставляйте включённым, как прошлой зимой.

Старик благодарил так долго, что Илья выставил его за ворота почти грубо. Егор улыбнулся: хозяин любил делать вид, что без денег никому не поможет, и каждый раз нарушал собственное правило. Теперь, после слухов о Соколове, парень впервые подумал, что ничего не знает о том, как Илья ведёт себя за закрытыми воротами.

Под навесом стояла тёмно-серая «Шкода Октавия». Под правой фарой передний бампер перечёркивала светлая царапина, нижняя кромка была надломлена. Фара оставалась целой. Несколько дней Илья собирался зашпаклевать повреждение, но всякий раз находилась работа важнее.

— Давай я сегодня заделаю, — предложил Егор.

— Не надо.

— Илюх, ну вид-то какой.

— Сказал: не трогай.

Ворота отворились, и появилась тётя Лида из соседнего дома. Она обычно приносила старые аккумуляторы, а сегодня пришла с телефоном в руке.

— Слышал про Соколова? Говорят, с тобой перед смертью ругался.

— Слышал, — коротко ответил Илья.

— И про машину твою говорят.

Он повернулся к ней.

— Машина при чём?

— Не знаю. В чате пишут, что тёмную ищут. Вот я и подумала…

— Не надо за меня думать, Лидия Павловна.

Она ушла обиженная, но не сразу. Сначала остановилась у ворот, подняла телефон и словно невзначай сняла двор. Егор видел, как в кадр попала «Шкода».

— У них нынче весь город на телефонах, — сказал он.

Илья наклонился над двигателем «Газели». Через минуту у ворот остановился служебный автомобиль.

• • •

Марина представилась и попросила поговорить. В тесной конторе между складом резины и подсобкой пахло машинным маслом, вчерашним кофе и дешёвым освежителем. На стене висел прошлогодний календарь.

Марина уточнила, знал ли Илья Павла и о чём они спорили в четверг. Крылов сказал, что ремонтировал холодильную установку для склада, а Павел отказался признать документ о приёмке. Говорил он раздражённо, будто счёт на ремонт сам по себе объяснял вчерашний крик.

Илья вытащил из стола папку, перетянутую резинкой, но положил перед собой так, что Марина не могла прочесть ни одной строки.

— Мы заменили узел в холодильной установке фургона. Павел работу принимал. Через неделю агрегат опять встал. Теперь руководство склада требует вернуть оплату за ремонт. Я что, за их технику пожизненно отвечать должен?

— Вы сказали: «Ты за это ещё ответишь»?

— Сказал. За акт, из-за которого меня хотят оставить без денег. Разве это означает, что я потом поехал его убивать?

Марина не стала отвечать на вопрос вопросом.

— Вы утверждаете, что Павел подписал акт?

— На бумаге подпись есть.

— Я спросила не об этом.

Илья посмотрел на папку. Кисть его руки легла поверх резинки, словно та могла удержать не только листы.

— Он сам утверждал, что подпись чужая. Можете у него спросить… — Илья осёкся и отвернулся к окну. — Простите.

На улице Егор опустил подъёмник. Металлический лязг заглушил несколько секунд молчания.

— Где вы были в ночь с четверга на пятницу? Примерно с одиннадцати до полуночи.

— Дома.

Она уточнила, жил ли он один и оставалась ли машина возле дома. Илья подтвердил оба обстоятельства. Ни соседа, ни свидетеля на тот час он не назвал.

— После одиннадцати никуда не выезжали?

— Не выезжал.

Ответ прозвучал отчётливо. Только после него Илья взял кружку и обнаружил, что она пустая.

— Почему вы спрашиваете именно меня? — произнёс он. — Потому что я с ним поссорился?

— Потому что мы проверяем людей и машины, которые могли быть связаны с происшествием. У вас есть автомобиль подходящего класса. Но марку на записи определить нельзя.

Илья потребовал показать запись. Марина ответила, что прежде должна закончить разговор о его передвижениях; изображение будут проверять отдельно.

— То есть у вас даже машины нет. Есть пятно на экране и я, который кому-то не понравился.

— Есть погибший человек, — сказала Марина. — И водитель, который оставил его на дороге.

Он перестал улыбаться.

— Я Павла не сбивал.

Она выдержала паузу, не записывая эту фразу как признание или опровержение чего-либо.

Снаружи они подошли к «Шкоде». Илья не возражал против осмотра с его согласия, но потребовал, чтобы любые дальнейшие исследования оформлялись официально. Марина кивнула. Костя фотографировал автомобиль, пока хозяин стоял рядом и смотрел, не касаясь ли кто-нибудь повреждения.

— Откуда царапина?

— Во вторник задел столбик на разгрузке. Сдавал назад. Там железная труба торчит из бетона.

Место Илья назвал сразу — складская разгрузка, где из бетона выступала железная труба. Спросив о свидетелях и видеозаписи, Марина услышала сердитое: «Я тогда не думал, что мне понадобится свидетель на каждую парковку».

Марина присела возле правой фары. Из дела она помнила маленький прозрачный обломок с тремя поперечными рёбрами и мутной белёсой кромкой. Специалист пока называл его возможной деталью наружного светового прибора. На «Шкоде» световой прибор выглядел целым; повреждён был прежде всего бампер. Ни совпадения, ни противоречия это само по себе ещё не доказывало. Но Марина попросила снять фару крупнее, отдельно от царапины.

— На завтра машину оставлять? — спросил Илья.

— Сейчас вы свободны ею пользоваться. Если потребуется исследование, мы уведомим вас и оформим всё надлежащим образом.

Он кивнул, будто ожидал другого ответа.

На выходе Марина обернулась.

— И ещё. Вы уверены, что после одиннадцати не выезжали?

— Я уже ответил.

— Я спрашиваю второй раз, чтобы потом не было недоразумений.

Илья не отвёл взгляд.

— Уверен.

• • •

После отъезда полиции Егор принёс хозяину пачку заказов, но Илья не взял её.

— Кто снимал двор? — спросил он.

— Лидия Павловна. Я видел.

— И ты молчал?

— А что я должен был сделать? Телефон отобрать?

Егор говорил осторожно. Илья впервые за долгое время замечал, как парень подбирает слова рядом с ним. На верстаке звонил старый мобильник. Клиент требовал машину к обеду. Илья посмотрел на экран и сбросил вызов.

— Ты же знаешь, что с бампером? — спросил он.

— Ты говорил, что на разгрузке задел.

— Вот и говори, если спросят.

— Я не видел, как ты задевал.

— Тогда скажи, что не видел. Только не придумывай ничего.

Егор кивнул. Но после обеда, выйдя за сигаретами, встретил знакомого из шиномонтажа. Тот спросил, почему утром приезжала полиция. Егор ответил, что у Ильи царапина с начала недели и он сам предложил её исправить. До вечера эти слова дошли до городского чата в другом виде: «Даже работник мастерской говорит, что хозяин не даёт чинить разбитую машину».

Илья прочёл пересланное сообщение у кассы и долго не мог его закрыть. Потом нашёл Егора в боксе.

— Кому ты рассказывал про бампер?

— Я сказал только, что ты его не трогаешь. И что полиция приезжала. Я не думал…

— Вот именно. Не думал.

— Там всё переврали.

— Значит, ты дал им что перевирать.

Илья повернулся к выходу, но Егор окликнул его:

— Я ведь не против тебя, Илюх.

— Теперь это уже неважно.

Парень остался возле открытого капота. Впервые ему захотелось уйти из мастерской не по окончании смены, а прямо сейчас.

• • •

Нина Соколова увидела дневной снимок «Шкоды» в городском чате, когда разбирала бумаги брата. На фотографии автомобиль стоял под навесом, под правой фарой белела царапина. Подпись была короткой: «Крылов. У него полиция сегодня была».

В комментариях спорили о том, какого цвета машина проехала ночью по Заводской. Одни видели чёрную, другие синюю. Третьи уверяли, что марка уже известна, хотя ни один из них не назвал источника.

Нина отложила телефон и снова включила голосовое сообщение Павла, присланное в четверг в десять сорок одну: «Розетку пока не выбрасывай. И чайник не мучай…» В конце, под его коротким смешком, что-то негромко прозвучало на фоне гудящего механизма.

Она поднесла телефон к уху и запустила запись ещё раз. «Паш, ты акт забрал?» — спросил чей-то далёкий голос. Павел не ответил; сообщение оборвалось.

Нина вспомнила, как брат на прошлой неделе сердился из-за бумаг с работы. Он не любил рассказывать о чужих неприятностях, но однажды сказал: «Они думают, что подпись — это просто закорючка. А потом за неё отвечай».

Она позвонила Марине.

— Вы проверяете Крылова?

— Мы проверяем несколько обстоятельств. Ссору в том числе.

— Там не только ссора. В последнем сообщении Павла кто-то спрашивает про акт. И он мне говорил о какой-то подписи.

— Пришлите запись целиком, пожалуйста. Не обрезайте и не пересылайте её в общие чаты.

— Я и не собиралась. Просто… — Нина запнулась. — У всех уже готова история про Павла. А я даже не знаю, с чем он вышел с работы в последний вечер.

— Попробуем установить. Но не обещаю, что ответ будет быстрым.

Нина набрала номер Олега, напарника брата: он однажды помогал им с переездом, и его телефон сохранился у неё в контактах. Ответил мужчина с усталым голосом. Услышав о гибели товарища, он несколько секунд молчал, затем тихо сказал, что Павел был единственным, кто не пропускал подписи в накладных.

— Он из-за какой-то бумаги переживал, — вспомнил Олег. — Всё повторял, что отвечать за чужой ремонт не станет. А я ему: да брось, завтра разберётесь. Он сказал: «Пока с бумагами не разберёмся, не отстанут».

Нина ухватилась за последние слова.

— Он кому-то угрожал? Или ему угрожали?

— Не знаю. Ты не делай из этого того, чего я не говорил. Он просто сердился, Нин. Работы было много.

Олег пообещал посмотреть рабочие журналы, когда откроется контора. Нина поблагодарила и поняла, что всего за минуту успела придумать из его осторожных слов целую историю. Именно этого она так не любила в городских разговорах.

После разговора Нина открыла тетрадь, в которой раньше записывала домашние расходы, и вывела: «Что я знаю сама». Ниже написала четыре пункта. Слова «говорят», «слышали» и «вроде» она решила туда не заносить.

Позднее Любовь Петровна предложила оставить ужин у её двери. Нина неожиданно спросила соседку о Крылове. Та слышала, что мастер груб, но сама с ним ни разу не разговаривала. Этот неловкий ответ был честнее уверенных суждений в городском чате.

Нина посмотрела на фотографию машины и вдруг поняла, как сильно хочет, чтобы её хозяин оказался виновным. Тогда у этой смерти было бы лицо, а у её боли — адрес. Ей стало

стыдно за лёгкость, с которой возникло желание. Снимок она удалила, но запись брата оставила.

• • •

К вечеру субботы у Марины на столе лежали предварительное заключение по обломку, запись с перекрёстка и лист с объяснениями Ильи. Ни один из документов не мог существовать вместо другого.

— Модель машины из кадра не достать, — признал Костя. — Седан, возможно, класса «Октавии». Но таких здесь десятки. И цвет в дождь не установить.

— Значит, пишем: «автомобиль сходных габаритов». Без марки.

На экране прошли две размытые фары, затем тёмная крыша. Запись показывала автомобиль на подходе к складам в 23:43, но не сам удар. Путь за пределами кадра оставался неизвестен.

— Сосед Крылова звонил, — добавил Костя. — Видел, как тот припарковался около половины одиннадцатого. А после одиннадцати слышал во дворе двигатель. Не выглядывал, чья машина.

— Это важно. Но не подтверждает ни выезда Крылова, ни его отсутствия.

— Ты так всё время говоришь, будто стараешься его оправдать.

Марина закрыла папку.

— Нет. Я стараюсь, чтобы нам потом не пришлось оправдываться.

На минуту она всё же представила цепочку целиком: публичная ссора с Павлом, тёмный седан, повреждённый бампер, отсутствие надёжного алиби. Если бы ей нужно было назвать человека, с которого разумно начинать проверку, она назвала бы Крылова. Впервые за день это признание не показалось ей преждевременным. Но за ним всё ещё не следовало другое: «Он и есть водитель».

Телефон зазвонил. Костя нашёл дополнительную запись с камеры заправки у переезда. В 23:29 там проходил тёмный седан. Его заднюю часть закрывал бензовоз; номера не было видно. До Заводской от заправки вела прямая улица, но в двух местах от неё отходили повороты к жилым домам и складскому проезду.

— Значит, он мог доехать к месту наезда, — сказал Костя.

— Мог. И мог свернуть. Нам нужны оба маршрута.

Марина попросила сохранить полный исходник записи. Затем поручила проверить, кто работал ночью на складах и не было ли других камер у разгрузки. Теперь у неё появилось направление для расследования, но не ответ.

В дверях появился Грачёв. Он уже успел увидеть фотографию «Шкоды» в городском чате.

— Говорят, вы ездили к Крылову. Он с вами разговаривал?

— Разговаривал. Отрицал поездки после одиннадцати. Но подтверждения у нас пока нет ни его словам, ни версии об участии в наезде.

— Машина повреждена?

— Бампер. Оснований считать, что этот след оставлен на Заводской, пока нет. Проверим разгрузку, которую он назвал. Если понадобится экспертиза, оформим.

Начальник устало снял очки.

— На понедельник пригласите его для уточнения объяснений. И посмотрите с юристами, какие основания для дальнейших действий действительно есть. Мне нужен не удобный для города подозреваемый, Марина. Мне нужен тот, кто был за рулём.

Она кивнула. Впервые за весь день её не раздражало, что начальник повторяет очевидное. Иногда очевидное приходилось повторять, чтобы оно не исчезло среди чужих догадок.

• • •

Когда мастерская опустела, Илья попросил Егора задержаться. Они стояли у верстака, между старым домкратом и папкой с документами, которую хозяин весь день перекладывал с места на место.

— Скажи честно, ты видел, как я в четверг уехал?

— В десятом часу — да. Ты сказал, что домой. Я потом ушёл.

— Значит, после этого ничего не видел.

— Не видел.

Илья кивнул, но не отпустил его.

— А про акт ты кому говорил?

Егор нахмурился.

— Никому. Павел тогда приходил, кричал про подпись. Я слышал. А что там с бумагой — не знаю.

— И не надо знать.

— Ты сам меня учил, что в чужих документах нельзя оставлять пустые места, — тихо сказал Егор.

Илья резко поднял голову. Парень отступил, испугавшись собственной смелости.

— Иди домой, — произнёс хозяин.

Когда дверь закрылась, Илья снял резинку с папки. На верхнем листе синей ручкой было написано: «Холодильная установка. Акт». Под техническими строками стояли две подписи. Одну Павел в четверг обвёл и сказал, что никогда её не ставил. Илья знал: в этой бумаге было достаточно неприятностей без всякого смертельного ДТП.

Он сложил лист и убрал во внутренний карман куртки. За воротами прошёл товарный поезд. От его грохота мелко задрожало стекло. В соседних гаражах давно ворчали из-за поздно открытых ворот мастерской. Илья отмахивался: он работал, пока были заказы, а не пока этого хотелось соседям.

Телефон засветился. Номер был незнакомый.

«Ты им всё рассказал?»

Илья прочитал сообщение дважды. Написал: «Кто это?» — и стёр, не отправив. Затем всё-таки ответил: «Не понимаю, о чём ты».

Ответ пришёл почти сразу.

«А ты уверен, что той ночью у мастерской никого не было?»

Следом загрузилась фотография. Снятая из-под крыши, в дождь, она была зернистой и кривой: кусок железных ворот, мокрый асфальт, задняя часть тёмной «Шкоды». В углу снимка светились цифры 23:31. Номерной знак расплывался от воды, но Илья узнал свою машину по старой наклейке на стекле.

Он поднял глаза на ворота мастерской, будто человек с телефоном мог сейчас стоять по ту сторону.

Пришло ещё одно сообщение:

«Если спросят, объясни, зачем приезжал к воротам».

Илья медленно сел на табурет. Ещё утром он боялся, что полиция узнает о ссоре. Теперь кто-то мог доказать, что он солгал о самой ночи.

За окном снова пошёл дождь. На этот раз Илья не слышал ни поезда, ни капель по крыше. Он смотрел на цифры в углу фотографии и впервые подумал не о том, что скажет следователю, а о том, кому придётся звонить, если она узнает правду.

Глава третья. Хороший адвокат

В понедельник утром у ворот мастерской висел лист, приклеенный скотчем к ржавому профнастилу. Крупными буквами было написано: «УБИЙЦА». Ниже кто-то нарисовал стрелку в сторону двора.

Илья сорвал лист и долго мял его в руке. За переездом люди спешили к автобусу; никто не остановился, но двое оглянулись. Илья бросил мокрый комок в бак и пошёл заводить компрессор.

За выходные отменились три заказа. Один клиент сослался на болезнь, второй ничего не объяснил, третий попросил оставить ключи у сторожа, лишь бы не встречаться. Илья молча вычёркивал из блокнота суммы, на которые рассчитывал заплатить аренду.

Егор пришёл вовремя. После субботней ссоры из-за слухов о бампере они едва поздоровались. Парень раскладывал инструмент с преувеличенной аккуратностью, будто надеялся этим заслужить прощение. Илья не знал, что услышать от него хуже: новое извинение или ещё одну фразу, которую к вечеру переврут в городском чате.

Ближе к десяти позвонила Марина Серова. Попросила Илью после обеда приехать в отдел: нужно уточнить его передвижения и сведения о ремонте фургона. На вопрос о задержании она ответила, что речь пока идёт о дополнительных объяснениях, и напомнила о праве прийти с адвокатом. Илье почему-то было бы легче, если бы она пригрозила: с угрозой можно спорить.

Последние два слова Илья запомнил лучше остальных. После звонка он несколько минут стоял у дверей конторы, глядя на календарь за прошлый год.

В кармане лежал телефон с фотографией, пришедшей в субботу с неизвестного номера: мокрые ворота мастерской, его «Шкода», цифры 23:31. В воскресенье Илья трижды собирался спросить отправителя, чего тот добивается, и трижды закрывал переписку. Кто-то наблюдал за ним, когда он считал двор пустым.

В списке контактов Илья нашёл номер Левина, который год назад дал Николаич — пенсионер с неисправным универсалом. «К нему идут, когда остальные уже руками разводят», — сказал тогда старик.

Он набрал, передумал и сбросил. Потом всё-таки позвонил.

• • •

Андрей Левин вышел из суда с пожилой клиенткой в бордовом пальто. Она крепко держала папку и остановилась на ступенях, не решаясь отпустить его руку.

— Андрей Сергеевич, я даже не поняла, что произошло. Нас теперь оставят в покое?

— Не оставят, — ответил он. — Но теперь им придётся доказать то, что они до сих пор просили принять на слово.

Женщина кивнула. Полгода управляющая организация требовала с неё деньги за ремонт дома, которого никто не делал. Андрей не произнёс перед судьёй громкой речи: потребовал подлинник акта, сопоставил даты и дождался, пока представитель истца признает, что подписавший приёмку человек в тот день лежал в больнице. Суд отложил разбирательство и потребовал документы. Это ещё не было победой, но клиентка впервые перестала оправдываться в одиночку.

У входа их нагнал молодой юрист другой стороны. Он выглядел обиженным, словно Левин нарушил негласное правило — не замечать мелких несоответствий.

— Вы ведь и так знали, что нам придётся донести оригиналы, — сказал он.

— Да, — ответил Андрей. — Поэтому и попросил их сразу.

Левин проводил её до остановки и отказался от пакета с домашним печеньем. Женщина обиделась. Тогда он взял одно, поблагодарил и попросил остальное оставить внукам.

В Вереске о Левине рассказывали разное: будто он никогда не проигрывает, будто берёт непомерные деньги, будто однажды бесплатно защищал человека, которого терпеть не мог. Андрей редко поправлял такие истории. Гораздо труднее было объяснять клиентам, почему закон не способен превратить плохие факты в хорошие.

К офису Андрей шёл пешком. На полпути он увидел сообщение Ирины: «Ты опять перепутал. Вечер у Лизы был в пятницу». Дочь звала его на школьное выступление, он обещал прийти и вписал встречу между заседаниями. Андрей ответил: «Прости, поговорим дома», — и убрал телефон. Чужие сроки он помнил до минуты, собственные обещания откладывал, словно у них не было даты.

В приёмной пахло кофе и бумагой из принтера. На подоконнике стояла бегония, которую секретарь Алёна не раз спасала от высыхания. Благодарственные письма висели сбоку: Андрей велел оставить главное место доске консультаций. Он попросил подготовить копию сегодняшнего судебного определения и лишь проходя мимо Татьяны вспомнил, что не поблагодарил её за пятничную работу. В сложных вопросах он был внимателен, в простых — часто забывчив.

Алёна спросила, нужно ли вызвать такси после обеда. С пятницы Андрей то приходил пешком, то просил машину к зданию суда, и секретарь уже привыкла к новому порядку. «Пока моя в ремонте», — объяснил он. В мастерской ждали деталь; сроков он не называл. Алёна вернулась к принтеру, а Андрей к расписанию: до следующей встречи оставалось меньше часа.

Татьяна Громова, его коллега и давняя партнёрша по практике, встретила его на пороге кабинета с календарём в руке.

— Я сняла с тебя четверг, — сказала она. — Иначе ты будешь одновременно в двух судах. По делу Тарасова апелляция, у Рябининых заседание по наследству, а в пятницу ещё поездка в район.

— Четверг верни. В район поедет Саша.

— Он не видел половины дела.

— Успеет. Передай ему документы.

Татьяна помолчала. Девять лет назад Андрей предложил ей работу в конторе, а теперь порой распоряжался её временем так, будто она всё ещё стажёр.

Татьяна тяжело вздохнула. Андрей редко обещал невозможное клиентам, зато легко обещал невозможное собственному расписанию — и оставлял коллегам устранять последствия.

Алёна постучала в дверь, не дожидаясь приглашения.

— Андрей Сергеевич, звонил мужчина по поводу ДТП на Заводской. Фамилия Крылов. Я сказала, что сегодня у вас всё занято, предложила консультацию у Татьяны Викторовны. Он ответил, что подумает и, вероятно, обратится в другое место.

Андрей поднял глаза от бумаг. На секунду задержал палец на краю листа, который собирался перевернуть.

— Илья Крылов?

— Да.

— Перезвоните. Запишите на двенадцать тридцать. Ко мне.

Татьяна повернула к нему календарь, исписанный синими и красными отметками.

— Андрей, даже обед уже занят. И дело сомнительное: полгорода уверено, что Крылов сбил человека. Ты же не обязан брать каждый громкий случай.

— Если полгорода уверено, ему тем более нужен адвокат.

— У тебя на этой неделе три срока. Зачем именно ты?

— Я думал, ты обрадуешься обеду без моих рассказов о суде, — сказал он. Татьяна не улыбнулась. — Пусть придёт. Если я не смогу взяться, сам скажу.

Татьяна не убрала календарь. Она знала: за сомнительного клиента Андрей мог взяться без уговоров. Но не понимала, зачем делать это сегодня, когда остальные дела уже не помещались в рабочий день.

— Мы с тобой всегда говорили: помощь нужна не после того, как человека признали хорошим, — негромко произнёс Андрей. — Перенеси мой обед, ладно?

Алёна вернулась к телефону, Татьяна — к календарю. Андрей остался с чашкой кофе, мысленно переставляя встречи. На экране висело сообщение жены о школьном выступлении. Он перевернул телефон экраном вниз.

• • •

Илья вошёл в кабинет без двадцати час. Книжный шкаф до потолка, старая настольная лампа, тесно поставленные папки: роскоши, которую он ожидал от известного адвоката, здесь не было. Хозяин кабинета поднялся ему навстречу, хотя мог бы ограничиться кивком.

Левин предложил воды и не стал спрашивать, виновен ли посетитель. Сначала уточнил, кто приглашает его в отдел, что уже говорили полицейские и какие документы вручали. Записывал спокойно, возвращая Илью от городских слухов к фактам.

— Не обязаны мне доверять сразу, — сказал адвокат, когда Илья в третий раз назвал полицейских охотниками за виновным. — Но если вы будете скрывать от меня факты, я начну защищать придуманного вами человека.

Это прозвучало спокойно, без угрозы. Илья впервые за два дня перестал сжимать кулаки под столом.

Илья рассказал о ссоре с Павлом, ремонте холодильной установки, спорной подписи в акте и царапине на бампере. Повторил, что приехал домой и больше никуда не выезжал. На слове «дома» он задержался. Андрей молча передвинул к нему лист с датами.

Андрей слушал, глядя не в глаза Илье, а на край листа, где отмечал время. Когда разговор дошёл до поездок после одиннадцати, он поднял ручку над бумагой.

— Если найдётся человек, который видел вашу машину позже, чем вы утверждаете, нам придётся объяснять расхождение. Есть что-нибудь, о чём я должен знать заранее?

— Я не сбивал Соколова.

— Это ответ на другой вопрос.

За окном прошёл автобус. Илья вспомнил снимок с цифрами 23:31, но показывать телефон не стал.

— Пусть сначала докажут, что я там был.

Илья следил за движением ручки адвоката. Теперь тот писал: «Проверить время и маршруты». Фраза выглядела простой, но именно её Илья боялся больше всего.

— А если я чего-то не помню точно? — спросил Илья.

— Так и говорите: не помните. Ложная уверенность обычно живёт недолго.

Левин положил ручку. Никакой торжественной клятвы поверить клиенту он не дал. Только обвёл вопросительный знак возле ночного времени.

— Скажите мне хотя бы одно: вы уверены, что не были на Заводской в ту ночь?

— Не был.

— Хорошо. Тогда наша задача — выяснить, чем следствие располагает на самом деле. Не тем, что пишут соседи.

Андрей взял чистый лист и нарисовал три прямоугольника: время, автомобиль, человек. Одинаковый цвет не делал машины одной, а ссора не переносила человека с одного конца города на другой. Илья смотрел на раздельные прямоугольники с неожиданным облегчением.

— Значит, они меня не смогут обвинить?

— Смогут, если найдут достаточно оснований. И могут ошибиться. Я не буду обещать вам оправдания до того, как увижу материалы.

Потом, как будто между прочим, объяснил ещё одну вещь:

— Я обязан предупредить обо всех вариантах. Если в будущем появятся убедительные доказательства какого-то вашего действия, придётся обсуждать и его признание, и послед-

ствия. Иногда сотрудничество влияет на наказание. Но сейчас никто не доказал, что именно вы были за рулём. Не подписывайте ничего со страху.

Илья резко выпрямился.

— Я говорю, не сбивал! — Илья непроизвольно повысил голос.

— Слышал. И ни к какому признанию вас не подталкиваю. Я пытаюсь заранее объяснить правила, по которым с вами будут разговаривать.

Андрей отодвинул лист с тремя прямоугольниками.

— Только если существует что-то ещё — что вы скрываете из страха или стыда, — лучше расскажите до того, как об этом спросят в полиции.

Под курткой лежал сложенный акт, в телефоне — фотография двора в 23:31. Илья хотел верить, что адвокат сумеет отделить одно от другого. Но вслух о ночной поездке не сказал.

Левин назвал стоимость консультации и объяснил условия сопровождения отдельно. Не обещал скидку «по дружбе» и не требовал немедленной подписи. Илья ожидал цены, за которую можно купить половину его мастерской, и удивился обычной ясности условий.

— А вы бы самого себя наняли? — спросил Илья неожиданно для себя.

Андрей чуть улыбнулся.

— Только если бы собирался говорить ему правду.

• • •

Нина Соколова в понедельник впервые пришла в школу после смерти брата — только забрать журнал и передать тетради коллегам. В коридоре мальчик из её класса неловко сказал, что ученики собрали деньги на цветы. Она поблагодарила и попросила пока ничего не покупать. Ей было тяжело, что память о Павле уже превращалась в венок и обязательную открытку.

В учительской поверх стопки тетрадей лежал лист с подписями родителей. Нина заметила фамилию Левина: у неё училась Лиза Левина, которая спорила о книгах так горячо, будто от оценки зависела судьба автора. Мать девочки Нина знала по собраниям, отца видела лишь раз — он привозил забытый спортивный костюм.

Нина отложила лист. После гибели Павла любое чужое имя могло неожиданно стать частью случившегося.

Олег, напарник Павла со склада, позвонил ближе к полудню. В журнале выдачи ремонтных документов он нашёл две отметки об одном акте: Павел забрал его в четверг утром, а вечером кто-то оформил повторную выдачу. Нина записала обе даты и спросила, как бумагу могли выдать снова, если в журнале нет возврата.

— В строке о возврате пусто, — вздохнул Олег. — Может, ошиблись при записи. Может, кладовщик забыл расписаться. Я этого не видел и не хочу никого обвинять.

— А кто получал во второй раз?

— Фамилия почти не читается. Там на конце то ли «в», то ли «н». Я завтра у заведующего спрошу, кто в тот вечер вообще имел доступ к шкафу. И уточню, где оригинал.

— Копия-то у начальства должна быть, — добавил он. — Только на копии нельзя увидеть, кто забрал лист в четверг.

Нина перенесла обе даты в тетрадь, которую завела после гибели брата. Не стала спрашивать, мог ли второй получатель быть Крыловым. Ей впервые хотелось услышать ответ, не заложенный заранее в вопрос. Ученические тетради рядом лежали нетронутыми.

• • •

Илья приехал к Марине вместе с Андреем. Костя Рябов, увидев защитника, выпрямился: однажды Левин в суде спокойно показал, что время на полицейской видеозаписи было выставлено неверно. После того дела отдел долго пересматривал правила фиксации записей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.